

ВАСИЛИЙ ГУРКОВСКИЙ

**НЕ ЗАБЫВАЙ КОМУ
ОБЯЗАН**

Василий Гурковский

Не забывай кому обязан

«Автор»

2026

Гурковский В.

Не забывай кому обязан / В. Гурковский — «Автор», 2026

Эта книга не про меня, ни для меня. Она - для людей и про людей, про тех, кто прямо или косвенно оказывали влияние на мою жизнь, в течение восьми десятилетий, кто постоянно, временно или случайно, оказывался со мною рядом, иногда подставляя свое плечо, чем-то помогая, предупреждая или поправляя. И неважно, кто это был - родственник или случайный знакомый, обеспеченный или бедный-главное, что он относился ко мне, как к равному товарищу, независимо от того, какого он был возраста и положения.

© Гурковский В., 2026

© Автор, 2026

Василий Гурковский

Не забывай кому обязан

ВАСИЛИЙ ГУРКОВСКИЙ

НЕ ЗАБЫВАЙ
КОМУ
ОБЯЗАН
(ИЛИ ПЕРИЛА К ЛЕСТНИЦЕ ЖИЗНИ)

(Воспоминания)

2026 год

ОБ АВТОРЕ:

(Справка , в порядке знакомства)

Василий Гурковский (Гурковский Василий Андреевич), родился 17 августа 1940 года, в селе (НЫНЕ ГОРОД) Слободзея, НА ДНЕСТРЕ.

После окончания семи классов -работал помощником комбайнера в сезоне 1954 года.

-Окончил курсы трактористов;

-Окончил курсы комбайнеров;

-Окончил курсы шоферов. Имеет право работать на всех видах сельскохозяйственной, строительной и специальной техники, как механизатор широкого профиля. Три года года отработал на тракторе, Десять сезонов (с учетом отпусков) убирал хлеб зерновым комбайном.

В 1957 году- был признан лучшим молодым механизатором Актюбинской области Казахстана.

В армии закончил специальную годичную школу по подготовке командиров взводов при строительстве береговых укреплений Военно-морского Флота СССР.

После 5 лет службы в рядах Советской армии – вернулся в село, откуда был призван, а затем:

-Закончил экстерном среднюю школу;

-Закончил с отличием планово-экономический техникум;

-В 1967 году -был признан лучшим сельским экономистом той же Актюбинской области Казахстана;

-Закончил сельхозинститут (экономист);

-Закончил университет (юрист);

-Защитил в Москве кандидатскую диссертацию и получил звание Доцент;

-Преподавал в Приднестровском Госуниверситете и параллельно в филиалах нескольких Украинских ВУЗов, работающих в Тирасполе. В итоге заработал звание Профессора, а через год -Академика Украинских ВУЗов.

-Окончил в Москве специальные курсы аудиторов высшей категории, для отрасли сельского хозяйства;

-Возглавлял экономические службы -лучшего колхоза В Актюбинской области, затем - родного Слободзейского района, НПО «Днестр» (Г.ТИРАСПОЛЬ), Министерства сельского хозяйства ПМР и аграрный комитет Палаты Законодателей Верховного Совета ПМР.

-Отличник военного строительства СССР;

-Отличник народного образования ПМР;

- Отличник народного образования Украины;
- Заслуженный работник сельского хозяйства ПМР;
- Заслуженный деятель искусств ПМР;
- Кавалер 30 орденов и медалей разных достоинств, от советских и постсоветских времен;
- Обладатель более сотни всевозможных грамот и дипломов, на разные случаи жизни;
- Имеет 57 опубликованных книг в печатном и электронном виде, в том числе -15 томов собрания сочинений;
- Автор около 100 разноплановых песен (слова и музыка), многие из которых сам же и исполняет;
- В молодости-спортсмен -разрядник по пяти видам (Волейбол, футбол, бокс, прыжки в длину и бег на 100 метров).

В семье -трое детей, семеро внуков и пока 8 правнуков. Семье Гурковских на сегодня-68 лет.

Данные достоверные и подтверждаются соответствующими документами.

=====

Как уже было сказано, эта книга не про АВТОРА. С основными моментами ЕГО жизни можно познакомиться , просмотрев все 57 опубликованных им на сегодня книг. Настоящая книга, о близких для автора людях, которым он безмерно благодарен за все (каждому по-разному), именно за то, что они для него сделали, независимо от масштаба и времени действия...

=====

К ЧИТАТЕЛЮ...

Уважаемый, читатель!

Ты держишь в руках необычную книгу и с необычным названием. И это не биография или автобиография какого-то одного героя, независимо от его заслуг и достижений, это своеобразный сплав жанров, собранный волей обстоятельств и автора, в одно цельное произведение.

Здесь будет и художественная нить, и веселое, и грустное, публицистические и философские размышления за жизнь.

Эта книга не про меня, ни для меня. Она - для людей и про людей, про тех, кто прямо или косвенно оказывали влияние на мою жизнь, в течение восьми десятилетий, кто постоянно, временно или случайно, оказывался со мною рядом, иногда подставляя свое плечо, чем-то помогая, предупреждая или поправляя.

И неважно, кто это был -родственник или случайный знакомый, обеспеченный или бедный-главное, что он относился ко мне, как к равному товарищу, независимо от того, какого он был возраста и положения.

Да, со мною , всю мою жизнь, кто-то всегда был рядом. Не жил за меня, не учился за меня и не работал за меня, НО этого оказалось достаточным, чтобы я выполнил свою жизненную программу. По крайней мере на достойном уровне...Не посчитайте за дешевый пафос, но я так думаю и так поступаю. Всегда.

Есть такое святое понятие, как Долг. Каждый достойный человек, по крайней мере внутренне-в долгах как (говорят), как в шелках...

Долг перед родителями, родной землей, колодцем, школой, кино, радио, газетой, книгой, верными друзьями и еще многим-многом, что мы получили от жизни.

А долги надо отдавать, да еще с процентами, иначе загубим самих себя. Вот и я решил на старости лет, как-то отблагодарить всех особых своих благодетелей, за их добро в мою сторону в течение моей жизни, таким необычным способом -написанием книги.

Большинство моих СПОДВИЖНИКОВ, давно переселились в иной мир, но добрая память о них осталась. А ПАМЯТЬ -САМАЯ НАДЕЖНАЯ И ЦЕННАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ в живом мире и, надеюсь, настоящая книга напомнит нам об этом.

В этой книге, уважаемый Читатель, будет много чего разного, но, поверь мне- в ней точно не будет ненужной шелухи и надуманной фальши.

После такого вступления, давайте перейдем к воспоминаниям о конкретных лицах, раз уж Господь сподобил меня рискнуть развязать огромный мешок с пазлами (отдельными деталями), моих взаимоотношений с окружающими людьми, причем за довольно длительный (основной для меня) период, более чем в восемьдесят лет.

Признаюсь, что из многих десятков достойных такой чести людей, я выбрал, как говорится- самых-самых...

В одном из моих стихов, есть строчка –«Порой оглянешься назад -как будто и не жил...». Думаю- ЭТО ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДХОДИТ для человека любого возраста.

Я в этом сразу убедился, когда оглянулся на свои пройденные 85, начало которых находилось далеко за горизонтом. Вначале -даже испугался. Испугался уже пройденного, вовсе не думая о будущем...

Если бы это была книга о ком-то одном, близком или далеком, включая самого себя, человеке- вряд ли бы я рискнул взять на себя такую ношу, такую ответственность и за такой период.

И все-таки решился сделать эту работу. Мой менталитет и ПАМЯТЬ принудили меня к этому, ну, а как уже получилось -тебе судить, уважаемый Читатель...

Начнем с Главного. В любом деле есть что-то самое главное, даже...в Памяти:

АВТОР - ВАСИЛИЙ ГУРКОВСКИЙ

Бабушка Маня

Брусенская Мария Еремеевна. Мама моей мамы. Бабушка Маня. «Баба Маня» - так всю прожитую рядом с ней жизнь, называл её я и окружающие люди. Мы жили раньше в «украинском» секторе села и обращение «бабушка» у нас не употреблялось. Никогда. Просто «баба» и имя, этого было достаточно.

Нечто похожее было и с именами. На нашей части села, никогда не сказали бы - Вася,Коля, Миша, Катя или Мария, а только- Васька, Колька, Мишка, Катька или Манька. Такое обращение принималось, как должное и не обсуждалось...Не в следствие грубости или неуважения, так было принято, до нас и при нас.

Как правило – все или почти все, имели персональные «клички». ЭТО было проще из-за наличия в селе многих одинаковых ФАМИЛИЙ-имен-отчеств.

В мои младшие годы, в порядке клички, или особого титула, меня называли ВАСЯ-БАБЫ-МАНИН. То есть, по принадлежности, по факту. Баба Маня значила для меня все,абсолютно.

И пусть меня простят все близкие для меня люди, о которых будет идти речь в этой книге,(включая родителей, давших мне жизнь), но, по совокупности действий, связанных с моим становлением, именно она (баба Маня), сделала больше, чем все остальные люди вместе взятые...

Упрощенно- не было бы её, -не было бы и меня; и не читали бы люди моих воспоминаний. Она буквально вынесла меня на свет Божий, на своих руках. Так сложилось по Судьбе и я благодарен ей (Судьбе) за это.

Судьбы бывают разные. Сколько людей- столько и судеб. И наша семья тоже была наделена своей Судьбой и кто знает, как бы она дальше развивалась, если бы не появились непредвиденные обстоятельства.

Беда одна не приходит. Так получилось и с нашей семьей, когда одновременно с общими для всех трудностями, добавились трудности чисто внутрисемейные.

Мои папа и мама поженились в 1939 году. В зиму этого года -началась «финская» война, отца призвали в армию, появился на свет я, отец продолжал служить. В 1941 году -началась

война с Германией. Отец прошел всю эту войну с начала до конца. В 1945 году, после взятия Кёнигсберга, был отправлен на войну с Японией и вернулся домой только в мае 1946 года.

Это к тому, что я отца не видел все шесть лет, от моего рождения -до его возвращения. И не только не видел, но и не слышал о нем, чего-то определенного все эти годы.

С мамой -случилась несколько иная, но похожая история. Когда в Слободзею пришли новые «хозяева» , румыны, на русской части села появилась «примария», типа сельской администрации, во главе с «примарем» (читай мэром) этой части села. Это был неказистый внешне, но очень амбициозный внутренне, румынский военный, в небольших чинах.

Его помощником «по организационной работе с населением», был староста, из наших предателей.

Был он то ли молдавским украинцем, то ли украинским молдованином, но свободно говорил на всех местных языках, а по жестокости к нашим людям, в разы превосходил даже своего непредсказуемого начальника, Примаря.

Он по каким-то причинам, люто ненавидел советскую власть и проживающих в селе людей, независимо от возраста и национальности. Постоянно ходил с кнутом в руке и хлестал им людей , независимо от повода, наслаждаясь вверенной ему властью.

В самом начале оккупации, при подворном обходе улицы, староста увидел мою маму. Молодая, красивая, относительно грамотная, да и беззащитная, тем более -муж -в Красной Армии...

Он тут же заявил -завтра чтобы пришла в примарию, там будешь работать...Возражения не принимались...

Посоветовавшись с мамой (бабой Маней), мама (моя), в ночь, отправилась к родственникам в Одессу. Там жила родная тетя бабы Мани. Вместе с ней пошли два моих дяди (16и14 лет). Как сопровождающие, через пару дней они вернулись домой, а я увидел маму, только через три года.

Она все это время пряталась в семье тети, выступая в роли их младшего сына, который перед самой войной поехал на учебу в Киев и там погиб при первой бомбежке.

По понятным причинам, мама не могла взять меня с собой в Одессу. СУДЬБА просто назначила меня внуком бабушки Мани,без всяких согласований, по крайней мере-на весь период фашистской оккупации.

Без работы, без копейки в кармане, с тремя детьми, один из которых-грудной- начинала тот период моя баба Маня.

Когда пришли румыны -стало еще хуже. Первым делом -они «реквизировали» единственного поросенка, через день- увели дойную козу, попутно застрелив бегущую на цепи по двору, собаку.

Что пришлось пережить моей бабушке в то время -знала только она, но то, что мы выжили назло всему -лишь подтверждение её человеческих возможностей.

За эти три года-можно было бы поведать очень много и всякого. Остановлюсь только на отдельных наиболее памятных для меня эпизодах, связанных именно с бабой Маней.

...Уже более двух лет мы жили «под румынами». Вроде бы и староста оставил нас в покое. Нашу улицу, после известного случая с курами и расстрелом румынских солдат, румыны и их начальники, считали каким-то страшным местом и откровенно боялись на неё заходить.

Но, где-то в зиму с 1943 на 1944 год, в нашем доме опять появился тот ненавистный староста. Он привел с собой трех немцев, квартирантов. Казалось бы, откуда у нас, на русской части Слободзеи, немцы? Представители немецких спецслужб находились в волости, на молдавской части села и жильем были обеспечены.Позже выяснилось, что одна войсковая часть, потрепанная в боях на Украине, была выведена на переформирование в тыл и какое-то её подразделение расположилось в Слободзее.

От нашего дома, до территории войсковой части, было где-то около километра, вот староста и нашел очередной способ третировать нас, но уже немецкими постояльцами. Немцы – не румыны, они тут же показали, кто в доме хозяева, а кто постояльцы.... Сразу заняли две большие жилые комнаты, оставив нам на четырех, небольшую кухню. За два с половиной года нахождения на нашей земле, они (особенно самый молодой, Пауль) довольно неплохо научились говорить на русско-украинском наречии, и, с первого раза, объяснили, что оставляют нас жить рядом с ними, но под страхом смерти: - мы не имеем права заходить в их комнаты, не имеем права обращаться к ним по любому поводу. Мы должны мыть им сапоги, убирать при них комнату, если они позовут, топить плитку, чтобы у них было тепло в одной комнате (вторая – не отапливалась) и вообще делать все то, что они скажут. Пищу готовить им не надо, они едят в своей столовой, а для ужина и завтрака – у них есть сухой паек, консервы, спиртовки для разогрева и т.п.. Если в доме будет холодно, мы будем ночевать на улице. Так как топить у нас было нечем, мы собирали траву, сушили и тем топили, квартиранты приносили артиллерийский порох в ящиках, такие толстые на вид как свечи, заряды. Горели они хорошо и дядям моим, приходилось перед приходом «хозяев», каждый вечер подолгу жечь эти «свечи», чтобы обогреть их комнату. Порох не держал тепло, пришлось квартирантам привозить ещё и древесный уголь из пекарни. Они были унтер – офицеры, в небольших чинах. Старший по возрасту был начальником полевой пекарни, звали его Людвиг. Он был внешне, как персонаж из наших военных фильмов о войне: высокий, худой, рыжий, с торчащими волосами, горбатым носом и ... в очках. Без всякого грима мог бы играть роли немцев в любом нашем фильме. Второй был заведующим каким-то складом, звали его Карл. Он сразу занял чем-то наш домашний подвал под летней кухней, повесил на дверь огромный замок и по ночам там стоял часовой. Человек он был внешне грубый и нелюдимый. Третьим был молодой унтер, не старше 20-ти лет, тот самый Пауль, он командовал группой охраны объектов, которыми заведовали его коллеги. Внешние характеристики оккупантов – ничего не дают, а вот «внутренние»... сразу показали их отношение к нам, даже не как к русским, а вообще к людям, которые не из их среды. Даже два с половиной года нахождения на нашей территории, не приблизило их к нам, просто как людей к людям, даже наоборот, предчувствуя надвигающийся крах гитлеровской затеи по порабощению России, еще больше отдалил их от нас и озлобил. Мы стали ещё больше виноваты, что не сдались, что погнали их от Волги на запад, да и вообще за то, что на свете есть, такие непонятные люди, как русские. Всем своим продвинутому интеллигентным существом, они просто старались нас не замечать, как будто нас и нет вовсе.... Ночью - выходить на улицу, было запрещено. Для туалетных нужд – у них стояло ведро в коридоре, у нас - горшок на кухне. Но, так как в коридоре было холодно и темно, квартиранты по ночам справляли свои надобности, простите, у нас на кухне, где было потеплее, и горела лампадка у иконы. Заходили на кухню абсолютно нагими, независимо был кто-то там или нет, бабушка наша, или мои дяди. Когда бабушка подметала у них пол или вытирала пыль - они тоже ходили нагими по комнате! Какое там стеснение у вроде бы цивилизованных офицеров «великой Германии»! Они нас не замечали. Внутренне, бессознательно, как окружающую мебель. Но очень быстро замечали, если что-то делалось не по-ихнему, сапоги не блестят или машина не так помыта (у заведующего пекарней была рабочая машина, небольшой такой крытый фургон, она стояла у нас во дворе, пока они были дома), или еще что-нибудь. Чаше всех хватался за пистолет нелюдимый Карл. Когда они выезжали на работу, дяди мои были обязаны открывать ворота и прочищать проезд.

Ну, как-то - раскрыли ворота и стоят, ждут. В это время подъезжает на конной двуколке наш староста. Сразу опоясав старшего из дядей – Федю, кнутом, староста заорал: «Вы, скоты, почему не выходите на работу?» - и поднял кнут уже на второго дядю – Мишу... И как раз в это время, немцы выезжали из ворот. За рулем сидел Людвиг, справа – спереди – Карл. Увидев разбушевавшегося старосту, Карл, не выходя из машины, приоткрыл дверь, поманил пальцем

к себе старосту, открыл кобуру пистолета и сказал как мог: «Слюшат...ду..швайн. Он рапотать сдесь. Мне...Ферштейн?». Староста сперва сполз с брочки, с перепугу что-то бормотал и согласно кивал, а потом они разъехались – машина вправо, двуколка влево. Староста понял, наверное, какую он допустил глупость – приведя квартирантов в наш дом, чтобы сделать нам пакость, в итоге – потерял двух молодых здоровых работников и, как оказалось, - навсегда.

Как люди просвещенные, квартиранты имели свои, пусть и мелкие, но традиции. Врожденные и приобретенные. Из приобретенных, на первом месте было вино. Чувствуя скорое невеселое будущее – они пили...пили, ежедневно и по многу (для немцев). Привозили с собой местное вино, ставили на плиту грушевидный казан на несколько литров, добавляли сахар, кипятили, а потом пили. Кипяченое вино, с сахаром, действовало на них быстро и эффективно. Зимние ночи длинные, делать практически им было нечего, поэтому они дико развлекались, чем могли. Пауль играл на губной гармонике, остальные двое кричали какие-то песни, а в конце, и всегда, они начинали...стрелять. Стреляли из пистолетов, на спор, - в мух, пауков, вшей на своих рубашках, развешивая их за рукава на гвоздях. Это было конечно шумно, страшно, но к этому мы как-то привыкли, а вот когда они специально «работали» на нас, это было действительно страшно. Мы спали на печке, все четверо - бабушка, я, и двое дядей, один, младший, Михаил был родной брат моей матери, то есть бабушкин сын, второй, Федор, был бабушкин племянник, сын её старшего брата, Фомы, который был репрессирован и за своего отца, раскулаченного в 1929-м, с 1930 года пилил лес в северных лагерях, как политический, и вернулся в Слободзею, через год после войны, в 1946 году. На печке было тепло и как-то мы там умещались. Торцевая стена, отделяющая печь от комнаты, где жили квартиранты, была всего в полкирпича и еще имела маленькое оконце в их комнату, размером в кирпич, заткнутое подушкой. Так вот немцам нравилось стрелять именно под потолок, рядом с той стенкой. Они хвалились друг перед другом точностью попаданий в угол-стык между потолком и кирпичной стенкой. Это была ежедневная пытка. Тонкая стенка тряслась от выстрелов с малого расстояния. Вся их комната была в сотнях дырок от пуль, на стенах и потолке. Один раз срикошетившая пуля разбила огромное зеркало, что дяди притащили из войсковой части. После таких пьяных стрельб, мы иногда до утра не смогли заснуть. И никуда не уйдешь – дверь входную они запирали на висячий замок изнутри. А трогать такую обезумевшую от вина и ситуации, «компанию» было невозможно. А главное, они знали, как мы себя чувствовали во время этих оргий, но это их только подзадоривало. И жаловаться некому – вся власть кругом – чужая, мало того, -вражеская...Хоть румынская- хоть немецкая.

Из «врожденных» традиций, на первом месте была охота. По субботам, они набирали с собой вина и консервов, забирали в качестве гончих собак моих обоих дядей и отправлялись к постоянному месту охоты – территорию между нашим селом Слободзея и соседним – Чобручи. От села до села - где-то около двух километров, вся эта территория раньше, минимум дважды в год заливалась Днестром, разливающимся весной в половодье и летом, при таянии снегов в Карпатах. За время войны, вся площадь заросла различной травой, местами в рост человека, и передвигаться по ней, было не так просто. А чужеземные охотники никуда и не передвигались. Они со стороны Слободзеи выбирали подходящие места с определенным сектором обстрела, посылали своих гончих «собак» в виде моих дядей - в загон. Технология была проста: Миша и Федя заходили со стороны Чобруч и шли в сторону Слободзеи, держась друг от друга на определенном расстоянии и своим «лаем», криками и ударами палок, шли в сторону охотников, загоняя дичь. В то время по зарослям прятались зайцы, лисы и даже иногда – волки. Дичи было не так много, но она была. При всей простоте этой охотничьей операции, по сути она была похожа на атаку, безоружных ребят на вооруженных тремя пистолетами немецких офицеров. Ни охотники, ни загонщики друг друга не видели из-за стоявшего стеной сухого бурьяна. Все ориентиры были по звукам и по виду попадавшейся на пути дичи.

Пока загонщики шли от Чобруч и шумели, охотники пили и закусывали, рассказывая, как обычно в таких случаях, различные охотничьи истории и небывлицы. Но так как расстояние от них до загонщиков было немалое, а путь по бурьяну нелегким, то времени у охотников хватало и напиться, и наговориться. По мере приближения загонщиков к месту засады, немцы сосредоточивались на оговоренные расстояния по фронту и...ждали. А при появлении дичи или каких-то других причин, - начинали беспорядочную стрельбу. Их вовсе не волновало, как себя в это время чувствуют загонщики и что с ними может быть. Дядя Миша рассказывал, что когда подходили на опасное расстояние и немцы начинали стрелять, они (ребята) просто падали в какое-нибудь углубление, прижимались к земле, продолжая кричать, больше от страха. Потом приспособились делать короткие перебежки, пока охотники перезаряжали оружие, потом еще придумывали какие-нибудь хитрости, зная, в каком состоянии те находятся...

Иногда попадались зайцы, даже было за зиму несколько лис. О, сколько было шумной радости! Трофеи цеплялись на ремни, их с гордостью несли домой, обязательно фотографировались на их фоне, а уже потом – закапывали все принесенное на огороде. Дичи они не ели, боялись болезней и нам кушать не разрешали. После удачной (да собственно, после любой) охоты – обязательно следовала пьянка, но без стрельбы в доме, видимо, надоедало стрелять за день. А наших «загонщиков» по субботам трясло всю ночь от пережитого.

Пауль рассказывал, почему они ходят на охоту и в любую погоду. Их гонит самый старший, Людвиг. Он любитель, но сам ходить боится, и заставляет за компанию ходить всех. У его отца, в Германии, под Гамбургом, есть свои собственные охотничьи угодья, с множеством дичи, имеется большое количество охотничьего оружия и приспособлений, вот он и тоскует по этому. А ружей иметь на службе не положено, война все-таки, поэтому используют то, что есть. А какая охота с пистолетом! Но даже вроде бы не такой агрессивный, как его старшие товарищи, Пауль, никогда в разговорах не посочувствовал загонщикам, их как будто и не было во время охоты.

Нет худа без добра, как говорится. Именно соучастие в охоте, навсегда поставило крест на более чем двухлетних притязаниях и издевательствах к нашей семье, со стороны бандита-старосты.

Старшему из моих дядей, Феде, шел уже 18-й год. Он дружил с одной из соседских девушек. И надо же было так случиться, что она приглянулась сыну нашего старосты, откормленному такому отпрыску, который был внешней копией своего отца и официальным помощником того по службе. Девушка не хотела встречаться с ним и откровенно боялась. Когда Федя сказал ему об этом, сын старосты избил его и вдобавок какой-то палкой разбил ему голову. А через день - надо было идти на «охоту». Рано утром, в субботу, Людвиг зашел на кухню, увидел лежащего Федю с перевязанной окровавленной тряпкой головой, пришел в ярость, поднял его, посадил в машину, взял с собой в качестве переводчика Пауля и они все вместе поехали к дому старосты.

Как рассказывал дядя Федя, они застали семью старосты за завтраком. Староста жил неплохо. На столе была вареная курица, сало, яйца, стоял графин вина. Староста опешил и начал приглашать к столу. Людвиг, не обращая на него внимания, сердито спросил у дяди: «Вер (кто?) - дядя показал на сына – обидчика. Людвиг вытащил из кобуры пистолет, и с силой ударил сына старосты по голове рукояткой - тот упал. Людвиг вытер рукоять об скатерть, что-то зло сказал Паулю и стремительно вышел. Пауль повернулся к остолебневшему старосте и, громко произнес: «Офицер сказать – будешь попадать ему в глаза – он застрелять!». Пауль с дядей вышли к машине и уехали.

С того дня, старосту на нашей улице больше не видели, да и на соседних, тоже. Враг нашел врага. Людвиг отомстил ему за сорванную охоту таким образом....И дядей моих больше никто не трогал. Охотничьи «собаки» оказались ценнее предателей.

Прошло столько лет, а до сих пор не могу понять, одну казалось бы пустяковую деталь. Мы питались плохо, мелкая вареная «в мундирах», картошка, лук, кукурузные лепешки иногда и капуста квашенная, тоже иногда. Немцы за все время «квартирования», не дали нам даже куска хлеба, ну это все понятно, а вот почему они собирали пустые консервные банки в пакеты и увозили с собой – мне до сих пор непонятно. А мы так надеялись их «повыгребать», те остатки, но не довелось....

У меня было такое голодное «хобби». Уже говорил, что на печке, где мы спали, было маленькое оконце, в кирпич. Обычно оно было заткнуто подушкой. Когда немцев не было, я вынимал подушку и делал обзор их комнаты. Сверху было хорошо все видно - и лежащую на тумбочке губную гармошку Пауля. Наверное, страстное желание поиграть на ней, да хоть бы поддержать в руках, сделало из меня сперва балалаечника, потом гармониста и баяниста. А тогда, я вожаденно ласкал её глазами и любовался на расстоянии. Было у них в разных местах много всевозможных консервов. Особенно в овальных банках, рыбные, судя по этикеткам, я таких никогда не видел. У них все было как-то упаковано - и печенье, и хлеб, и кофе. Постепенно я осмелел и, наклонив предварительно голову, просовывал её сквозь узкую стенку. Так было больше видно, главное ближе... Я находился в раздвоенном положении – голова в комнате немцев, а туловище – на печке. И вот в таком положении и застал меня однажды Людвиг, не знаю, то ли они раньше вернулись с работы, то ли я увлекся, но он меня поймал. Мне бы надо было опять наклонить голову и вынуть её из окошка, вместо этого я дергался как заяц в петле и плакал. Прекрасно понимая мое положение, Людвиг встал на койку и начал меня щипать, щелкать по носу, орать и т.д. Я не мог это больше терпеть и - ...выдернул-таки голову из окна-капкана, сняв при этом с подбородка все то, что его покрывало и упал со страшным криком на печку. Хорошо, что бабушка была на кухне. Увидев голую кость на моем подбородке и льющуюся с него кровь, она подставила стакан, дала выпить мне то, что в него набежало, промыла все содой и подвязала. Шрам через всю бороду так и ношу до сих пор, как память о тех квартирантах и моей беспечности.

Вообще, старший из немцев, Людвиг, был все время не равнодушен ко мне, может у него были свои дети дома, но он был неравнодушен исключительно со стороны садистской. Особенно, когда был пьяный. Он, я уже говорил – и так был черт без грима, а если еще сделает «рога» из своих рыжих волос и начнет меня гонять по кухне, отсекая от входа на печку, куда я мог бы спрятаться, и попутно по-немецки орать –выдержать было невозможно. Спасало то, что кто-нибудь из его коллег заходил и пытка прекращалась. Так было довольно часто, пока чуть не закончилось трагически.

В один из субботних дней, когда немцы были на охоте, бабушка выпустила меня погулять во двор, а сама что-то делала в сарае. Часового днем не было. Автомобиль Людвиг стоял у дома. Я увидел - возле машины валяется что-то желтое, с проводками. Поднял. Откуда мне было знать, что это разбитая электрическая лампочка от автомобиля. До того времени, я никаких электрических ламп не видел. Кто-то, видимо, из чужих ребят, разбил на машине Людвиг обе фары, а я подобрал выпавшую лампочку и взял с собой на печку, как игрушку. До того времени ни о каких игрушках я не имел понятия....

Немцы вернулись с охоты и Людвиг, как хозяин, первым увидел, побитые фары. Он вбежал на кухню, увидел, что я играюсь лампочкой, что-то страшно заорал и сделал то, что и делали везде фашистские оккупанты в подобных случаях - вытащил пистолет и выстрелил в меня, трижды. Я с перепугу забился в угол между вытяжной трубой от печки и грубой от плиты, а он стрелял, стоя на полу. Стрелял, с каждым выстрелом забирая вправо... ко мне. Я до сих пор помню этот ужасный грохот и торчащий ствол пистолета, изрыгающий смерть. Конечно, немец достал бы меня, если бы поднялся даже на первую ступеньку по пути на печку. Но в это время стрельбу слышала бабушка; она влетела на кухню, увидела, что в меня стреляют, обхватила стрелка за ноги, кричала, просила, Людвиг свирепо её отталкивал ногой и, скорее

всего, выстрелил бы и в неё, но вбежавший молодой Пауль, выбил пистолет из его руки и увел в свою комнату.

Бабушка бросилась на печку, ко мне, схватила, ощупала - целый! Больше я ничего про тот день не помню. А потом оказалось, что у меня отняло речь и слух. О врачах в то время речи не шло. Меня долгое время водили по разным «бабкам», постепенно слух восстановился, а с речью у меня проблемы были долгие годы, я сперва - сильно заикался, а позже - не мог выговаривать многие слова, что всегда создавало большие проблемы. Пока найдешь нужное слово для замены – разволнуешься, сбиваешься. В общем, лучше никому такое не знать. Лет двадцать моей жизни - речь была моей основной проблемой. Многого в жизни лишил меня тогда тот фашист и только постоянными многолетними тренировками, я сумел все-таки научиться говорить нормально и даже много лет читал лекции в разных ВУЗах, о чем даже не мог мечтать в молодости.

На второй день после той стрельбы, Пауль, пришел к нам на кухню, бабушка показала, каким они меня сделали, на что он сказал - Мол, Людвиг думал, что это он побил фары и поэтому начал стрелять. Что нам было до его оправданий! Он свое все показал в натуре.

...Пережив три года оккупации вместе с бабой Маней, я продолжал жить при ней и дальше. Уже и мама вернулась домой, устроилась на работу в аппарат райисполкома, а я с ней так по-настоящему и не был. От нашего дома до места работы мамы было около 4 километров. Никаких автобусов, такси и тому подобного люди не знали, везде-пешком. Мама выходила на работу в пять часов утра и приходила поздно ночью, когда я уже спал...

Тот один выходной день, который выпадал на её долю, до меня не доходил. Ей надо было в этот день успеть сделать множество работ- постираться, помыться, погладиться, убраться, принять и посетить гостей и еще много сделать обычного, текущего и необходимого.

Когда вернулся с фронта мой отец, он тоже пошел на работу в одну из районных служб на другой части села и они уже вместе- рано уходили и поздно приходили, то есть я их уже обоих не видел...

До семи лет, я жил при бабушке. Все, что я приобрел по жизни за это время -было от неё: я научился ходить, говорить, читать еще до школы, играть на балалайке, научился элементарным правилам поведения, как член семьи.

Все это ненавязчиво, так будто попутно вросло в меня. Я никогда не играл на балалайке, к примеру, до обеда по воскресениям, потому что, по уверениям бабушки- «пока в церкви правяться -ныззя грать, ни на чом. Цэ велькый Грех(Грех)».

Она научила меня разным молитвам и стихам, которые помнила с детства. К ней был бы применим любой положительный эпитет или характеристика – умная, умелая, порядочная, понимающая и всепрощающая, верная и аккуратная, добродушная и независтливая, готовая отдать все, что имела тому, кто больше в этом нуждался. Никто в доме никогда не произносил любого бранного слова. Это тоже почиталось за семейный ГРЕХ. Это не запрещалось, просто не культивировалось....

Баба Маня для меня была и осталась олицетворением настоящей русской матери православной семьи.

Жалко - не дожидая она до пропаганды нынешних однополых браков. Было бы очень интересно послушать её комментариев по этому вопросу.

Вот потому, уважаемый Читатель, я её поставил в этой книге на первое место. Семь лет я прожил на русской печке в доме бабушки, еще семь лет и тоже на русской печке, прожил в другом доме куда мы позже переселились....

А в 14 лет- я пошел на работу, а потом-вообще покинул родные места, а баба Маня уже занималась внуками по линии её младшего сына. Но это уже было не то. Времена пришли другие, да и люди тоже...

А для меня все сказанное, было только началом. Её Величество -Судьба -сделала первый шаг мне навстречу, как бы проверяя-стоит ли мною заниматься дальше.

Недавно, я оглянулся назад, мысленно полистал написанные мною многие тысячи страниц, где показаны не только многие действия из нашего далекого и недавнего прошлого, но и отмечены моменты жизни сотен людей, и своих, родных-близких, и просто чужих, попавших в орбиту того или иного описываемого события или действия. И –почувствовал подспудное угрызение совести, так как за столько лет, так и не поблагодарил памятью близких мне людей, которые в разные годы помогли мне (и не только мне), чем-то и в чем-то. Скорее всего, потому, что они шли своей дорогой и наши пересечения по жизни для меня были разовыми, но запоминающимися, а для них это была обычная текущая жизнь. Речь пойдет, как уже было сказано, об Учителях Учителей, с которыми меня свела судьба вне всякого плана и, конечно же, -вне образовательной программы. Это были Учители-ЛЮДИ и потому я и пишу о них, через многие десятки лет.

А вообще дальнейшее повествование о людях в этой книге, мы будем вести не с учетом какой-то очередности или важности событий, а будем двигаться вперед, по мере моего становления, взросления и совершенствования...

ГРИГОРИЙ МАРКОВИЧ

Летом сорок шестого года, прошлого века, мама подарила мне ко дню рождения новую рубашку. До этого времени, все мои рубашки изготавливались из чего-то уже бывшего в употреблении, из старых маминых платьев и таких же рубашек дяди Миши, маминого младшего брата, или еще каких-нибудь обрезков и остатков, а вот на шесть лет, мне купили рубашку, абсолютно новую, красивую, шелковую и ярко зеленого цвета. Как раз было воскресенье, когда я первый раз её одел и вышел на улицу. Дело было днем, никого из соседских ребят на улице не было, младшие находились по домам, а кто постарше, еще с обеда, пошли на стадион. Стадионом то место никто и никогда не называл, просто это была большая площадка возле украинской школы. Правда, с обеих её сторон стояли футбольные ворота , а голое, вытопанное, футбольное поле, было размечено известковым раствором. Всем живущим в округе пацанам, было известно, что в это воскресенье на «пляцу» (плацу) , как мы тогда называли это место, состоится футбольный матч между командами Слободзейской войсковой части, которая находилась от нас через один квартал и какой-то командой из Тирасполя. Стадиона, как такового, в то время в Слободзее, ни на русской, ни на молдавской её части –не было, поэтому матч проводился на нашем «пляцу» . Наша улица, поднимаясь к западу, как раз упиралась в ту площадку. От нашего дома, до футбольного поля, было метров 400. Туда я и отправился смотреть взрослый футбол.

Недалеко от восточных футбольных ворот, выходящих к концу нашей улицы, как бы поперек её , стоял «БУМ» -спортивное Бревно, длинное такое деревянное сооружение, отполированное до блеска босыми ногами детей и небольшой лесенкой для выхода на него. Не знаю, что меня на это подвигло, скорее всего – малый рост, а с бревна было лучше видно играющие команды, потому я - вышел по лесенке на то бревно, сел на него, естественно –лицом в сторону поля.

Законы подлости никто не отменял, –только я уселся и стал смотреть, тут же, при атаке на ближние ворота, кто-то из нападавших с западной стороны, нанес сильнейший удар в сторону ворот, но мяч у него срезался с ноги и попал в то самое «Бревно». Не прямо в меня, а -в бревно, но от такого удара, бревно, понятное дело- содрогнулось, а я с этого округлого и скользкого «сидения», мгновенно упал, на вытопанную вокруг бревна, площадку, лицом вниз.

Я и сегодня помню и ощущаю то падение. Ко мне подбежали несколько футболистов, поставили на ноги, а я, с окровавленным носом и разбитыми губами, в залитой кровью новой

рубашке, бросился с ревом бежать домой, вниз по улице. Улица наша, особенно в верхней её части, была довольно широкой. Я бежал по проезжей части, тряся руками на уровне плеч, практически с закрытыми глазами и громко ревел. На улице никого не было. Так случилось, что где-то посередине пути, от площади до дома, у колодца, стоящего посередине улицы, возле колхозного двора, мне навстречу - шел Григорий Маркович Сорочинский, в то время –директор «украинской» школы. Увидев, скорее услышав детский рёв, он остановил меня, поднял на руки, обтер мне носовым платком лицо, успокоил, спросил, где я живу и отнес домой. Дома была только моя бабушка. Отец, недавно вернувшийся домой, после шести лет фронтового отсутствия и мама, с утра поехали в город. Бабушка обмыла мне лицо соленой водой, переодела. Григорий Маркович помогал ей и все старался меня успокоить. Спросил у бабушки- где мои родители, та ответила и он ушел. На другой день он снова пришел к нам, вечером, уже папа с мамой были дома. Посмотрел, на мое лицо, сказал, что все будет в порядке, а потом спросил у мамы: «А что у него с руками? Они так разодраны на запястьях.» Мама сказала – «Мы, когда были в эвакуации в сорок четвертом, он подхватил чесотку у цыганских пацанов, их семья жила рядом и с тех пор, у него периодически появляется сыпь на руках, не дает спать, а сонный- он постоянно раздражает засохшую кожу. Не знаем уже , что и делать!».

Еще через день, Григорий Маркович снова появился у нас вечером, но не один. Он, оказывается, поехал на велосипеде в больницу, нашел там доктора, понимающего что-то в дерматологии, объяснил ему ситуацию и уговорил навестить меня после работы. Причем –доктор ехал на велосипеде, а директор школы -практически полубежал рядом с ним, к нам домой, а потом обратно, к дому, где жил доктор, чтобы забрать велосипед.

Доктор обработал мне руки, оставил какие-то мази и через неделю, я забыл о той чесотке. Еще через несколько дней, Григорий Маркович, снова посетил нас, осмотрел мои руки, остался доволен. Я , перед его приходом, читал старый, еще довоенный календарь, он увидел это, удивился, что я уже умею читать. Попросил прочесть несколько строк из того календаря, так как больше никаких печатных изданий в доме не было. Увидев на кровати балалайку –спросил, кто на ней играет. Бабушка показала на меня –«Вин одын у нас музыкант». «А кто тебе настраивает балалайку?»-спросил гость. «Я сам - ответил я. «А как –по слуху?»-уточнил он. Я сказал, что настраиваю, используя мелодию песни –Ой пид вышыною- и продемонстрировал, как это я делаю. Он попросил сыграть мне что-нибудь. Сыграл ему несколько простых украинских песен. Потом ещё спросил, сколько мне лет, поблагодарил и ушел. Это было мое первое знакомство с директором школы и просто человеком. Ни мы ему , ни он нам до этого, знакомы не были. В начале следующего, сорок седьмого года, по нашей улице, ходили представители украинской школы, переписывали детей, кому, к началу учебного года исполнится семь лет и кто придет в этом году в первый класс.

Вся юго-западная часть Слободзеи, включая нашу и соседние , с обеих сторон, улицы, были «приписаны» к украинской школе, поэтому при том, подворном обходе, в эту школу, был записан и я. Григорий Маркович, снова пришел к нам домой, уже, как директор школы и просто сказал маме – не надо вашего сына отдавать в нашу школу. Он хорошо говорит и уже читает по-русски, в отличие от других ребят с вашей улицы. Да и потом, школа у нас –всего четырехклассная, все равно придется идти в пятый класс, во вторую, русскую школу, зачем делать дополнительные проблемы для него. Если хотите –я поговорю с директором той школы и его примут туда, с первого класса. Понятно, что во вторую школу далеко ходить маленькому мальчику, но дело того стоит.

Он действительно попросил директора второй школы; и меня, в виде исключения, единственного из этой части села, приняли в первый класс русской школы №2. На сколько мне известно, по крайней мере, в период моей учебы, больше из этой части села, никто в ту школу –не ходил. Ходили, но уже после окончания четырех классов, до пятидесятых годов и после 7-8-9-х, уже в более поздние годы.

Я до сих пор благодарен Григорию Марковичу, за то, что он помог мне не пойти в «его» школу. Украинская школа, кстати, единственная в Слободзее, да, наверное, и во всем районе в то время, имела уникальную историю. До советской власти – это была ЦПШ, понятно, что не партийная, а обыкновенная церковно-приходская двухклассная школа на украинском языке, где долгие годы хозяйничал батюшка – Савва Герасимович. Школа размещалась в двух домах – в одном жил батюшка, он же учитель в единственном числе, с семьей, во втором доме собственно и была школа. Батюшка был очень крутого нрава и мог не только отпустить ученикам затрещину своей тяжелой рукой, или поправить неправильный ответ ученика или ученицы с помощью метровой буковой линейки толщиной в палец, которая всегда была у него в руках во время занятий, но мог для особо хулиганствующих, слишком умных по его мнению или «показушно-атеистичных» ребят, применить и высшую меру школьного наказания – закрыть в погребе, где и крысы водятся.... Не зря моя бабушка, окончившая те два класса в начале прошлого века, помнила стишки и грамматические правила от батюшки, до конца своей жизни.... Не только те правила, но и Линейка в руках батюшки, запомнились надолго, всем его бывшим ученикам....

С приходом советской власти, школу сделали четырех классной, на украинском языке, так как эту часть села населяли в основном украинцы, но сама программа школы отличалась уникальной бестолковостью и ненужностью. Четыре класса и... на четырех Языках!!! Обучение – на украинском, русский язык – отдельным предметом, как общегосударственный, молдавский язык, как республиканский и... немецкий, как иностранный. И это для сельских детей 7-11 лет! В итоге после окончания этой школы, дети не знали ни одного языка по-настоящему, даже родного, украинского. Они были не виноваты, преподаватели – тоже; виноваты были те, кто придумал такую систему обучения для этой школы... Мало того, эта четырехлетняя пытка «образованием» отбивала охоту у выпускников школы, учиться дальше. Ни один из моих сверстников, с разбросом 5-6 лет – старше – моложе, не продолжили учебу дальше. «Росток» естественного желания подростка учиться, был «прищиплен» еще в тех четырех классах. Не знаю, что было бы дальше с этой школой, но ей, именно в то, послевоенное, тяжелейшее для всей страны и для нас, детей Войны, время, здорово повезло на директора, да и на всю семью Сорочинских, прибывшей из соседней Украины.

Григорий Маркович был назначен директором, жена его – Елизавета Арсентьевна – была главной «ударно-образовательной» силой – вела основной (украинский) и дополнительный (русский) языки. Её младший брат, Иван Арсентьевич, был физруком и читал географию в русской школе (2-й). Он читал этот предмет позже и в нашем классе, наверное, благодаря и ему, я влюбился в Географию, навсегда. Он был высоким, подтянутым, очень грамотным и порядочным человеком, вдобавок еще был и вратарем футбольной сборной команды Слободзеи. Жили они в доме при школе. Семья была замечательная по всем жизненным параметрам.

Я учился в русской школе, но все свободное время – проводил с ребятами нашей улицы – на том, пришкольном плацу. Можно сказать, что первичное образование я получил в русской школе, а вырос, физически, – при школе украинской и за это ей великое спасибо. Надо признать, что в конце сороковых годов, ни в одной школе, подчеркиваю – ни в одной школе, не то что Слободзеи, но и всего района, не было сделано столько всего для отдыха и физического развития подрастающего поколения, как при Украинской школе, в период руководства ею Григорием Марковичем. И это – в тяжелейшие годы, после страшного голода – 1946-47 годов!.

Стадион при школе тогда не был огорожен – просто большая вытоптанная площадка, с песчаной почвой, быстро просыхающей после дождя, что в нашем черноземно-грязевом секторе села, делало её еще более привлекательной. Прямо вдоль проезжей части улицы, на которой стояли два школьных здания, был расположен по порядку, целый каскад спортивных сооружений: первой стояла большая бревенчатая рама, высотой метров 6-7, на ней, через определенные промежутки – смонтированы – почти во всю высоту – Спортивный шест из ствола

молодой акации, рядом- толстый спортивный канат, чуть дальше - веревочная тоже, спортивная, лестница. Завершала этот каскад- пара спортивных колец. В нескольких метрах от этой махины – На двух глубоко вкопанных в землю акациевых столбах, были устроены качели, из двух, метра по 4-е, акациевых жердей, соединенных внизу доской –скамейкой, а сверху – вмонтированных в бревно-барабан, одетое на металлический стержень, входящий своими концами в отверстия на стойках. Эти качели, оказались самым недолговечным сооружением на данной площадке, и мне довелось быть тому свидетелем.

Когда принимали весь набор спортивных снарядов в эксплуатацию, члены «комиссии» Директор –Григорий Маркович и физрук – Иван Арсентьевич Мартыненко, вдвоем, стоя лицом к лицу на доске , указанной выше качели, начали на ней раскачиваться; один толкал обеими ногами в одну сторону, другой –в другую. Ребята они были молодые, крепкие, прошедшие фронт, к тому же азартные, поэтому раскачали те качели до уровня горизонтального земле. Как после они признались, - собирались сделать «солнце», то есть полный оборот жесткой рамки. Но не получилось, не выдержали такой нагрузки опоры и разошлись... На глазах у всех нас, собравшихся вокруг этих чудо -качелей, приемщики, директор и физрук перелетели , доской вперед, через неширокую в этом месте пыльную песчаную дорогу и упали прямо в середину вишневого дерева, росшего на огороде дяди Вани Будяка, расположенного через дорогу. Это спасло их от серьезных травм. Повезло еще, что полетели не в сторону плаца, на утрамбованную голую землю, и тут, наверное, сыграло свою роль то, что более мощный по физическому развитию, физрук, Иван Арсентьевич, стоял на доске лицом к дороге и, скорее всего, благодаря его сильным ногам и соответственно -толчкам, разошлись опорные стойки....

Несмотря на счастливый конец с испытанием качелей, их в тот же день спилили до уровня земли. И еще долго на этих спиленных мощных акациевых срезках, мы соревновались в громкости выстрелов. Если пробить гвоздем отверстие в деревянном пне, потом вытащить гвоздь, накрошить туда спичечной серы, вставить гвоздь обратно и чем-нибудь по гвоздю ударить-получается оглушительный выстрел. А так как и гвозди бывают разные, и начинка -тоже, то и «выстрелы» - получаются разные....

За упомянутыми выше качелями, в спортивном ряду на плацу –стоял турник, за ним стоял большой столб с вращающимся колесом наверху, к которому была прикреплена длинная цепь с петлей внизу, так называемые «гигантские шаги», кстати, моё самое любимое тогда из всех спортивных сооружений. За ним стояла, правда недолго, большая деревянная карусель, на четыре подвесных двухместных сидения. Крутили её руками, по очереди. Покатался -крути. Покрутил- можешь кататься.... Потом, несколько правее, стояли футбольные ворота, а уже за ними – хорошо «знакомое» мне «Бревно», о котором я уже говорил...и - в самом конце- еще одно мое любимое место -яма с песком , для прыжков. Я не просто так перечисляю все то, что еще в то время! было возле той, маленькой украинской школы. Все это появилось в те труднейшие годы, в этом месте, благодаря стараниям одного человека, простого директора, незаметной начальной школы, Григория Марковича Сорочинского.

Об этом никто и никогда не говорил, а ведь на тех спортивных снарядах, не было дня, чтобы там никого не было. Не только дети, но и многие молодые еще люди, приходили туда не просто посмотреть, а и попробовать себя в чем-то, даже посоревноваться с кем-то. Где та статистика,- сколько людей всех возрастов, постоянно занимались на тех снарядах, развивались физически, улучшали свое здоровье и все это шло в общую копилку благополучия государства!.

Это был человек неумной энергии и действия. Он был постоянно в движении и поиске. Помню, в одну осень, было нашествие ворон. Во дворе школы росло несколько высоких многолетних акаций. Вороны очень любили садиться на их голые ветки. Деревья стояли сплошь черными от налетевших птиц. Это не было бедой, но, после их посещений – весь школьный двор на два пальца был загажен незваными посетителями. Что не делали – не помогало. Григорий

Маркович, бегал с малокалиберной винтовкой вокруг школы, мы ему помогали, кричали, стучали палками – бесполезно, вороны просто перелетали с места на место и снова- усаживались на акациевых ветках. Потом директор нашел способ борьбы с ними: он настрелял с десятков ворон, мы их прикрепили к длинным палкам и – предупреждающе -устрашающе, -развесили по акациям. Наверное, вожакам вороньей стаи такой прием не понравился и больше вороны на школьные акации не садились, облетали их стороной...

Он всегда был открыт для всех, часто, чем мог, помогал отдельным детям, которым было тогда труднее всех, у которых не было отцов, не вернувшихся с войны, а были большие семьи, больные матери, знал же он семьи всех своих учеников.

Его ученики любили, как директора, но боялись, как человека. Он не терпел обмана, фальши, показного хулиганства и неподчинения школьным правилам. В первые послевоенные годы, в четырехклассной школе, были ученики разных возрастов –от 7- до 17-18 лет, которых надо было доучить по программе четырех обязательных классов, без которых даже в армию не брали. А ребята были разные, пережившие Войну и Голодовку. Отдельные считали, что на них управы не будет и вели себя откровенно нагло, пока одного из таких «блатных», закулившего цыгарку прямо в классе, директор силой не поставил в том же классе, на колени в угол и...на семена кукурузы., на целый урок! И- все наглые выходки –как рукой сняло. Хулиганы сразу поняли, что умышленно себя нагло вести или - бросишь школу – будешь осужден по статье за уклонение от службы в армии и вынуждены были смириться...

Так, потихоньку, с разных сторон, в первую очередь, -с помощью замечательного педагога и жены, Елизаветы Арсентьевны и её брата, возрождалась практически из небытия, украинская школа. Григорий Маркович, как директор, достиг поставленной перед собой цели, даже перевыполнив намеченную собой же программу, минимум вдвое. Он добился вначале придания школе уровня семилетки, а в начале шестидесятых годов, по его инициативе, ходатайству перед разными инстанциями и непосредственным его личным участию, было построено (пристроено) здание школы в дошедшем до нынешнего дня виде, где он был и проектантом, и прорабом –организатором, и «бригадиром -воспитателем» и всем остальным одновременно. Именно при нем, школа «перешла» на русский язык и, постепенно - стала Семилеткой, потом –Восьмилеткой, а позже - Девятилеткой, заняв свое достойное четвертое (по номеру) место, среди школ Слободзеи. К сожалению, мало кто уже помнит, и в школе и вне её, что отцом - прародителем этого учебного заведения, был и останется навечно в её памяти, именно –Григорий Маркович, вечная ему память и слава!

Как уже говорил-учился я в школе №2, но развивался и вырастал именно при той «украинской» школе. Пока учился в младших классах, Григорий Маркович часто находил меня на плацу, учебой не интересовался, он, естественно, общался с директором нашей (2-й)школы и его женой, Александрой Филаретовной Дидковской, которая учила меня с первого по четвертый класс и от которой он узнавал, как учиться его «протеже», то есть я; и был очень доволен тем, что учился я хорошо, не подводил его, просившего за меня о приеме в русскую школу в том, сорок седьмом году. Потом я уехал в Казахстан, через двадцать с лишним лет вернулся и была у нас с ним, случайная и, как оказалось, -последняя встреча.

Я уже работал в районе, и, однажды, после посещения Слободзейского отделения «Сельхозтехники», возвращался к месту службы. Так как сидел справа от водителя, то увидел идущего в сторону молдавской части села, пожилого мужчину. Он уже прошел половину открытого в том месте, пространства между частями села; двигался, не оглядываясь, не надеясь, что кто-то его подберет. Когда мы с ним поравнялись, я с трудом (четверть века прошло!), но узнал Григория Марковича. Сказал водителю, чтобы остановил машину, потом –вышел из салона и пошел ему навстречу. Подойдя поближе, поздоровался и сказал: «Григорий Маркович, если желаете –садитесь в машину, мы вас подвезем, куда надо!». Он с удивлением посмотрел на меня и молча, вошел в открытую заднюю дверь. Я сел рядом с другой стороны. На

читаемый в его глазах вопрос- представился, кто я есть. Надо было видеть его лицо!. Он с какой-то радостью, воскликнул: « Это ты -Вася! Сын Андрея Дусика (Слободзейская кличка отца)?!. А мы как раз недавно , на празднике в День Победы, говорили о тебе, с Калошиным Иваном Андреевичем, моим коллегой и твоим родственником. Он сказал, что ты вернулся в Слободзею, работаешь в районе, вроде бы даже заместителем председателя этой новой организации-Совета колхозов!. Как же ты сумел подняться?. Помню, тот же Иван Андреевич, когда-то говорил, что ты на тракторе работал, я даже переживал за тебя, и вот -вернулся и на тебе - доверили руководить экономикой такого мощного района, как наш!».

«Да, - ответил я, - пришлось мне и целину пахать на тракторе, и хлеб убирать комбайном, и на машине работать. Набрался опыта, экстерном закончил среднюю школу, потом -техникум, институт, пять лет армии, десять лет в колхозе работал главным бухгалтером в том же Казахстане – и вот приняли на работу в свой район. Втянулся, привык к новым условиям и –работаю».

Мы говорили, пока ехали, о семьях, о жизни, потом еще постояли возле райсобеса, он как раз туда и направлялся. Григорий Маркович рассказал, что уже не работает в школе, на пенсии, что живут они рядом с конторой колхоза на русской части. Дом себе построили. Все вроде бы нормально. На мой вопрос, почему шел пешком, далеко все-таки, объяснил, что пригласили в райсобес по какому-то вопросу, вышел на остановку, а слободзейский автобус, почему-то не пришел. Решил выйти наверх, на Тираспольское шоссе, там другие автобусы ходят, –почти полчаса простоял, так и не было, поэтому пошел пешком. Я предложил ему, при водителе – отвезти домой, после решения вопросов в собесе, он –отказался, сославшись на то, что неизвестно, сколько это будет по времени, да ему еще надо будет к кому-то зайти здесь, в центре. Добавил, что рад, что меня увидел, узнал про мою жизнь, я , свою очередь , может и запоздало, но поблагодарил его за все, за участие и внимание ко мне в те, трудные годы. Спросил -может, чем-то надо помочь, дал свои телефоны -рабочий и домашний, на что он, поблагодарив, ответил, что для нынешнего положения, в семье есть то, что необходимо, но номера телефонов взял. На том –мы расстались с этим замечательным человеком. УЧИТЕЛЕМ! Потом –я переехал в Тирасполь, а затем – не стало и Сорочинских. Остались только - Память и возрожденная им ШКОЛА!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.